

Аргументативный дискурс: на пути к теории (к выходу первого полнотекстового перевода на русский язык «Новой риторики»)

© С.Е. Крючкова¹, А.В. Чернышева²

¹Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, 125993, Россия

²МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Исследованы теоретические поиски универсальной модели аргументации. Отмечено, что сегодня эта задача выходит далеко за рамки полемических практик и получает новое измерение в связи с интересом представителей социально-гуманитарных наук к коммуникациям в глобальном цифровом пространстве. Это актуализирует значимость философско-методологического подхода, позволяющего не только оценить онтологические основания и эвристические возможности существующих подходов, но и понять те причины, по которым рассматриваемая задача пока не решена. Показано, что каждая из предлагаемых теоретических моделей аргументативного дискурса как формы вербального убеждения в коммуникативном взаимодействии фокусируется на одной из его составляющих. Обосновано, что одной из принципиальных причин отсутствия желаемого успеха является сама природа аргументации как коммуникативной рациональности, в которой в неразрывном единстве существуют такие различные интеллектуальные процедуры, как обоснование (доказательство) точки зрения и убеждение, ориентированное на принятие ее адресатом на любых других основаниях. Проанализировано идейное наследие основателей неориторика Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Тытеки, чья знаменитая работа «Новая риторика: трактат об аргументации» впервые в 2025 г. издана в России в полнотекстовом переводе. Выявлена актуальность эвристического потенциала данной работы, оказавшей заметное влияние на отечественных и западных исследователей, предпринимавших различные подходы к построению теории аргументации.

Ключевые слова: аргументативный дискурс, теория аргументации, неориторика, неформальная логика, прагма-диалектика, когнитивный подход, контент-динамический подход

Появление и широкое распространение в XXI в. информационно-цифровых технологий и медийных практик коммуникации значительно расширило представление о природе аргументативного дискурса, механизмах взаимосвязи в нем риторических и когнитивных структур. Это оживило исследовательский интерес и вновь поставило вопрос о создании теории аргументации (ТА), предмет которой — аргументативный дискурс во всех его проявлениях: как способ рассуждения, форма мышления и вид особой практической деятельности по защите точки зрения. Решению этой задачи должно предшествовать рассмотрение ряда эпистемологических проблем, важнейшая из

которых — выбор теоретико-методологической базы исследования аргументативного дискурса.

Традиция осмысливать аргументацию как практическое искусство убеждения публики имеет древнюю и мощную традицию на Востоке и на Западе. Уже в Древней Индии предпринимались попытки теоретического моделирования нормативных аргументативных рассуждений — так называемый диспутальный канон школы ньяя и буддийская теория диспутов в творчестве «трех Д» (Дигнаги, Дхармакирти и Дхармоттары) [1]. Аналогично в Древнем Китае были созданы «Программа спора» (Цзюй Янь) как итог практики «споров-конференций» по политико-правовым вопросам и «Теория рассуждения и теория спора» (трактат Мо-цы «Мобянь») [2, с. 59–91]. Но особенно значительным (и подробно исследованным) является теоретико-методологическое наследие древнегреческой риторики и диалектики, зародившихся в ходе агональной практики публичных споров. В «золотой запас Античности» (В. Шохин) прочно вошла аристотелевская «Риторика», аргументативные схемы которой (диалектические и аналитические доказательства) «прочно держались веками» [3, с. 34]. Но если в античности вопросы аргументации обсуждались весьма активно, то позднее в истории были периоды, «когда они как бы “растворялись” в риторике, логике или психологии» [4, с. 70–88].

Только в первой половине XX в. случился новый всплеск научного интереса к анализу феномена аргументации, во многом инспирированный математизацией логики (Г. Фреге, Ч. Пирс, У. Джевонс, О. де Морган, Б. Рассел и др.), предложившей новый взгляд на доказательство как на последовательность формул [5, с. 72] и таким образом сделавшей ее бесполезной для рассуждений и обоснований в гуманитарных науках, т. е. там, где используются рациональные, но не демонстративные доказательства. В возникшей символической логике доказательство превратилось в «вычисление, совершаемое в соответствии с заранее установленными правилами. При этом не допускалось обращения к какой-либо иной очевидности или интуиции» [6, с. 10].

Такой узкий формальный (безличный) подход не мог быть использован в гуманитарных науках, имеющих дело с аргументативным дискурсом, содержащим не столько суждения о фактах, сколько суждения о ценностях (возвышенных или повседневных), опирающихся на «здравый смысл» в ситуации выбора. Аргументация в гуманитарном знании «не “вынуждает” к принятию того или иного положения, а ее правильность не может быть установлена механическим путем» [5, с. 73]. Резкую критику логоцентристской интерпретации процессов аргументации и претензий символической логики, оставившей без внимания множество содержательных вопросов, связанных с аргументативным дискурсом, дал бельгийский философ, логик и юрист

Х. Перельман, поставивший своей целью «возрождение древней и славной традиции» [7, с. 16] античной логики и риторики.

Издание в России в 2025 г. давно ожидаемого отечественными специалистами полнотекстового (ранее только III глава) перевода на русский язык ставшей знаменитой и оказавшейся рубежной для исследований аргументации «Новой риторики» Хаима Перельмана и его ученицы Люси Ольбрехт-Тытеки [7] подводит своеобразный итог в научных исследованиях отечественных (и зарубежных) авторов, посвященных искусству аргументации. Трудно назвать еще работы, которые столь активно и долго цитировались бы в штудиях, посвященных теоретическим и практическим проблемам аргументации.

За прошедшее после первого издания в 1958 г. время был предпринят целый ряд исследовательских попыток (как философами и логиками, так и специалистами по коммуникативной лингвистике, риторике, когнитивной психологии и др.) по поиску более адекватной, чем логическое доказательство, модели ТА, чье предметное поле, как подчеркивал Перельман, «огромно и веками оставалось необработанным» [7, с. 22].

К XXI веку неориторический подход Перельмана и Ольбрехт-Тытеки породил целую плеяду исследований, в которых рассматривались рассуждения, используемые в различных областях (логике, риторике, философии, когнитивной психологии и др.), а результатом явились различные подходы к построению ТА [8, с. 14–34]. Само их количество в конечном счете породило сомнение в возможности создания общепринятой ТА с универсальной нормативностью, способной покончить с идеей очевидности и «освободить место для теории аргументации, которая признает использование разума для управления нашими собственными действиями и влияния на действия других» [7, с. 14]. Это ощущение подкреплялось тем, что также не удалось достигнуть конвенции относительно содержания ключевого концепта ТА, который обобщил бы релевантные определения и характеристики аргументативного дискурса. Под аргументацией сегодня понимают и способ рассуждения, и доказательство, и убеждающую коммуникацию, и совокупность аргументов, и речевое практическое действие — процесс нахождения стратегии и тактики достижения изменений взглядов аудитории (спор, дискуссию) и др. [9, с. 7].

В своем титаническом труде (десять лет работы и более семисот страниц текста) по возрождению античной риторики Перельман ставит вопрос о том, «как обеспечить эффективное воздействие на сознание с помощью дискурса» [7, с. 21], т. е. каким образом оратор добивается согласия аудитории («согласия умов»). В поисках ответа на этот вопрос Перельман анализирует и конструирует десятки аргументативных схем, отказываясь при этом как от картезианской традиции построения рассуждений в гуманитарном знании по модели,

заимствованной из дедуктивных и экспериментальных наук, так и от первоначального увлечения фрегевским методом, которому он посвятил свою диссертацию по философии, и от абстрактных математических моделей. Намечая перспективы новой риторики, в которой абсолютность убеждения, основанного на истине, заменена относительным убеждением, основанным на оценке, бельгийский ученый сосредоточивается на исследовании роли ценностей в практике спора, ведь именно с ними (а не с безличной логической демонстрацией) чаще всего связано принятие/непринятие (согласие) аудиторией точки зрения, представленной аргументатором для убеждения. Для этого Перельман оставляет территорию математизированного разума и переходит в малоисследованное (применительно к целям аргументации) пространство *рассудка (рассудительности)*, где субъект в ситуации выбора, как показал уже Аристотель, использует «диалектические рассуждения», в основе которых лежат правдоподобные рассуждения. Перельман отмечает, что в гуманитарных науках критерий выбора ориентируется на прагматику и определяется миром ценностей (а не произволом и чистой эмоциональностью), а «*это вопрос не истины, а правоты*» [7, с. 52]. Ценности должны рассматриваться базисом неформальной аргументации. «Аргументация основывается, в зависимости от обстоятельств, то на абстрактных, то на конкретных ценностях: иногда трудно понять, какую роль играет каждая из них» [7, с. 112]. Так как ценности, например этические нормы, почти не поддаются логическому анализу и формализации, они являются сферой интересов философии (практической, как подчеркивает Перельман). Предмет такой философии — аргументация как неформальный вид убеждения, описывающий практику рассуждения «человека *рассудительного*» (субъекта «новой риторики»), способного влиять на приоритетные установки аудитории, как *универсальной* (тех субъектов, кто основывается на истинных и необходимых суждениях, ценности которых исходят из понятия должного), так и *специальной* (исходят из понятия существующего, ценностный компонент в этом случае находится в прямой зависимости от аудитории), с ее практическим разумом, выступающим в роли интерсубъективного фактора. Рассудительную аргументацию (в противоположность рационально-безличной) как раз отличает внимание к аудитории, учет ее специфики. И в этом интересы логиков не совпадают с интересами мастеров ораторского искусства [7, с. 10].

Ответ на вопрос о возможности создания общей ТА предполагает предварительное рассмотрение методологических средств (формально-логические схемы, коммуникативные правила, психолого-лингвистические модели убеждения и т. д.) и эвристического потенциала существующих подходов к ее построению. Наиболее значимыми среди них являются: *логический* (нормативный), *коммуникативный* (неориториче-

ский, прагма-диалектический), *системный, когнитивный* (контент-динамический). При этом важно выявить особенности теоретических (доказательность) и практических (успешность, эффективность) критериев, которые использовали их создатели.

Наиболее известной рецепцией традиционного формально-логического (нормативного) подхода выступила в конце 70-х годов XX в. так называемая *неформальная логика*. Ее представители (Р. Джонсон, А. Блэр, Дж. Вудс), продолжившие традицию рассмотрения аргументации как одного из видов логического вывода (игнорируя внелогические факторы), предложили более «слабую» версию логической нормативности. Они заменили традиционный критерий корректности (логического следования) на более «мягкий» — эффективность (диалога) и скорректировали требования к аргументам: с истинности и непротиворечивости на релевантность оснований и их приемлемость для аудитории. Такой «коммуникативный поворот», учитывающий специфику «мысленного поля адресата» (В.Н. Брюшинкин) и снимающий остроту противопоставления истинностного и ценностного, явился несомненно более продуктивным, как и декларируемое стремление провести семантический анализ оценочных суждений и выявить их неявные пресуппозиции [10, с. 101–108]. Эти установки развили в дальнейшем представители так называемой *формальной диалектики* (Э. Барт, Э. Краббе, Н. Решер), предложившие модель ТА в виде игры-дискуссии со своими правилами и нормами, обеспечивающими необходимую общезначимость и признание участниками.

Альтернативой неформальной логике, центрирующей аргументацию на процедуре доказательства, является *прагма-диалектический подход* (Ф.Х. ван Еемеерен, Р. Гроотендорст, С. Хенкеманс), ориентированный на убеждающую коммуникацию, сторонники которого предложили в качестве критерия оценки прагматическую эффективность, а в качестве модели ТА — концепцию *критической дискуссии* как «обмена взглядами, в котором стороны, вовлеченные в разногласие, систематически пытаются определить, возможно ли защитить от критических сомнений и возражений рассматриваемую точку или точки зрения» [11, с. 69]. Главная цель критической дискуссии — устранение разногласия во мнениях субъектов-участников — протагониста и антагониста. Этот подход может быть расценен как попытка совмещения диалектики с нормативным вариантом построения теории. Причем нормативность здесь носит специфический характер (в результате замены объективистского характера на прагматический) и представлена как «совокупность правил, соблюдение которых может гарантировать субъекту аргументации согласие адресата аргументации» [12, с. 246]. Она включает концепцию как четырех обязательных стадий (конфронтация, открытие дискуссии, аргументирование и заключительная стадия), так и четырех метатеоретических

принципов (функционализации, экстернализации, социализации и диалектизации) [11, с. 79–82].

Важную нормативную функцию выполняют также требования к участникам дискуссии (так называемый кодекс рационального поведения) соблюдать ряд явно сформулированных процедурных правил (правило свободы, требование доказывания своей позиции, право антагониста на оспаривание мнения протагониста, корректность доказательства и опровержения и др.) [13]. Вместе с тем прагматическая нормативность в этой концепции носит по преимуществу описательно-коммуникативный и идеализированный характер. Необходимо отметить, что представители данного подхода не стремились «к более глубокому пониманию прагматических конвенций, процедур, стратегий и языковых средств, которые используются обычными носителями языка при создании и интерпретации аргументативного дискурса» [14, с. 230]. Обе рассмотренные модели оставили вне сферы своего внимания целый ряд существенных особенностей аргументации. Они оказались неспособными выполнить функцию общей ТА, так как имели «суженный» характер и эффективно работали только в отдельных областях.

Когнитивный подход к построению ТА (Р. Рики, А. Яник, А.Н. Баранов, В.М. Сергеев) в своих различных вариантах (модель С. Тулмина, когнитивные карты, семантические сети) [15, с. 14] исходит из понимания аргументации как формы мышления, а значит центрируется на когнитивных способностях субъектов-участников, исследуя структуру их убеждений и логическую компетентность [16]. По сути, это трансдисциплинарный подход, учитывающий такие важные факторы, как состояние сознания и механизмы мышления субъектов коммуникации, ориентированный прежде всего на описание содержательной стороны аргументативного дискурса.

Однако это продуктивное стремление приблизиться к естественным рассуждениям и построить на основе когнитивного подхода более конкретно ориентированные модели сопровождалось усложнением структур и их излишней громоздкостью, что неизбежно вело к *прагматической не востребуемости*, так как в результате конструируемые теоретические модели «оказываются зачастую не менее сложными, чем сами естественные процессы убеждения» [17, с. 21].

Для преодоления этого недостатка была создана *обобщенная системная модель* ТА (В.Н. Брюшинкин), в основе которой лежит идея междисциплинарности, реализуемая через рассмотрение диалектического единства трех подсистем аргументации — логической (тяготеющей к синтаксису), коммуникативно-риторической (к прагматике) и когнитивной (к семантике) [15, с. 11–17]. Так как аргументация есть субъект-субъектное взаимодействие, то выбор базисной подсистемы зависит от установок субъекта и адресата аргументации

и в первую очередь от «представления адресата в уме субъекта или модели адресата» [17, с. 4].

Нормативность в данном случае обеспечивается взаимодополнением методов и правил, с одной стороны, инвариантных и общезначимых, а с другой — учитывающих контекст (когда в реальном процессе аргументации приоритетную роль играет одна из подсистем) [15, с. 13]. В основе этого подхода лежит понимание аргументации в качестве рациональной части процесса убеждения (сложного процесса со многими составляющими).

Уточненная версия системной модели, ориентирующаяся одновременно как на семантику, так и на прагматику, в виде *контент-динамического* (термин И.Б. Микиртумова) [18] подхода также отказывается от коммуникативной нормативности диалоговых моделей, так как «не признает объективно данных, вечных стандартов, с помощью которых мы якобы способны оценить наши мнения как истинные или ложные, хорошие или дурные, правильные или ошибочные» [19, с. 70]. Она помещает проблему ТА в более широкий эпистемологический контекст, рассматривая аргументацию как «реактивный» процесс трансляции смысла от аргументатора к другому субъекту на основании предварительной диагностики и внутренней репрезентации мысленного поля адресата (субъекта-реципиента), что позволяет изменять убеждения последнего, понимаемые как процесс «изменения ментальных состояний личности, как правило, предшествующий изменению в поведении» [20, с. 32]. Это актуализирует исследовательский интерес к невыраженным посылкам и внелогическим факторам (ценностям, интересам, менталитету, психологическим установкам, социальной позиции, гносеологическим особенностям субъектов-участников, их способности адекватно воспринимать иную позицию и т. д.), которые традиционно выпадали из поля внимания представителей неформальной логики. Ядром нормативности при контент-динамическом подходе к построению ТА выступает требование адресности аргументации как необходимого условия «интеллектуального контакта» (Перельман), несоблюдение которого, как и «искусственность предмета обсуждения, послужили причиной вырождения риторики» [7, с. 34] в ее классическом варианте. «Знание аудитории, — всегда подчеркивал Х. Перельман, — неотделимо от понимания, как на нее влиять» [7, с. 38].

Контент-динамический подход к ТА обладает, по мнению авторов настоящей статьи, большим эвристическим потенциалом и в дальнейшем может получить дополнительное развитие при обращении к феноменологическому методу и концепции понимания «Другого» (Э. Гуссерль), а также теории «коммуникативного действия» (Ю. Хабермас), позволяющих находить общие смыслы в современном социальном

и культурном пространстве. Внимание к содержательным связям между тезисом и аргументами также позволяет наметить более продуктивные стратегии построения ТА в силу того, что такая методологическая установка совместима как с прагма-диалектикой (коммуникация с обратной связью), так и частично с современными рецепциями неформальной логики, правда при условии учета того, что нормативность рождается в реальном аргументативном дискурсе, а не навязывается (привносится) извне.

Вызванное на современном этапе возрождение исследовательского интереса к созданию ТА, приближенной к естественным рассуждениям в коммуникативных практиках, должно идти с учетом роли недемонстративных доказательств (анalogии, квазилогических схем), например, в сфере права и морали, где существует практическая аргументация, имеющая «правдоподобный и презумптивный, или отменяемый характер, потому что в практическом рассуждении помимо посылок, выражающих знания и мнения агентов о ситуации, аргументы содержат также посылки, описывающие последствия выполнения или невыполнения действия, а также цели, ценности, нормы и желания агентов, относительно которых можно располагать лишь предположительными сведениями» [21, с. 9].

Учет значения и роли внелогических факторов, в силу которых обоснование часто одновременно выступает убеждением, когда, по мнению Б. Паскаля, к средствам воздействия на разум добавляются средства воздействия на волю, заставляет специалистов искать не только более новые методы анализа аргументативного дискурса, но и разрабатывать проблематику норм и правил диалога, важных для разрешения конфликтов мирным путем. Среди них важное место занимает философская компаративистика, способная выполнить интегрирующую роль в ситуации разнообразия теорий и подходов, а также находящаяся в процессе становления когнитивная эпистемология.

Сегодня существует достаточно широкий исследовательский пласт работ отечественных специалистов (И.А. Герасимова, А.А. Ивин, Ю.В. Ивлев, В.Н. Брюшинкин, А.П. Алексеев, Д.В. Зайцев, А.И. Мигунов, И.Б. Микиртумов и др.), посвященный ТА. В поисках продуктивных идей они часто обращаются к переводам работ крупных западных исследователей, наиболее востребованной из которых, как уже отмечалось, является «Новая риторика» Перельмана. В условиях широкого распространения новых форм коммуникации и способов аргументации в цифровом пространстве перед исследователями возникают новые вызовы. Примером может служить так называемый бунт против логики (А.П. Алексеев) — появление феномена противоречивости массового сознания, выражающееся в значительном преобладании эмоциональных аргументов над рациональными в медиакommunikациях

в Интернете. Он свидетельствует о том, что классические принципы аргументации подвергаются изменениям или даже приобретают новое содержание. Вместе с тем вряд ли можно согласиться, что «принципы аргументации, сформулированные классиками античности (честность, последовательность и логичность в суждениях, упоминаемые Платоном и Аристотелем, или пренебрежение своими интересами, описанное Аристотелем), перестают быть актуальными в новых условиях» [22, с. 11]. Тем не менее, нельзя не видеть, что классические цели аргументации — обоснование и убеждение — часто вытесняются стремлением авторов просто заявить о себе («самопрезентация») или ограничиться в обосновании своей точки зрения личным опытом и ссылкой на интуицию, что в принципе понятно, так как основные субъекты сетевой коммуникации — молодые люди, имеющие узкие горизонты в силу недостаточности жизненного опыта и знаний, опирающиеся на стереотипы и широко известные в их узких кругах «авторитеты» из сферы медиакультуры и субкультур [23].

В этом контексте представляется чрезвычайно полезным знакомство с полнотекстовым переводом на русский язык знаменитого исследования Перельмана, считавшего аргументацию единственным эффективным средством, способным противостоять внушению и насилию в отношении человеческой личности, что актуально в условиях цифровизации коммуникативных практик, где помимо возможности раскрытия индивидуального сознания встречаются такие риски, как «снижение уровня критического мышления, способности к самостоятельному созданию интеллектуального продукта, информационное перенасыщение когнитивной сферы» и т. д. [24, с. 20]. Интернет-коммуникации, считающиеся символом современной эпохи, теснят «живые» формы интеракций, в них отсутствует непосредственный контакт аргументатора с аудиторией, который, по мнению Перельмана, играет главную роль в определении качества аргументации. Подчеркивая важность учета специфики аудитории, имеющей первостепенное значение при подборе аргументов, приемлемых для адресата, Перельман излагает весьма актуальную сегодня мысль о том, что, с одной стороны, аргументатор должен подстраиваться под аудиторию (но это весьма тяжелая участь в случае, когда «аудитория представлена некомпетентной толпой, неспособной понять последовательную аргументацию, или хотя бы чуть-чуть удерживать внимание, не отвлекаясь» [7, с. 40]), а с другой — это неэффективная стратегия (если она будет доминировать), так как аудитория практически бесконечна по своему разнообразию и, пытаясь приспособиться к ее особенностям, аргументатор сталкивается с большим количеством проблем. Отсюда непроходящий исследовательский интерес к технической стороне аргументации, стремление к выработке норм и правил как *убеждающей* (валидной

для определенной аудитории), так и *убедительной*, основанной на истинности («справедливой» по Канту) аргументации, «которая предполагает заручиться поддержкой каждого разумного существа» [7, с. 45]. И хотя «разница между терминами “убедительное” и “убеждающее” всегда неточна и на практике всегда должна оставаться таковой» [7, с. 47], в современных исследованиях по аргументации явно прослеживается тенденция дрейфа в сторону все более сильной нормативности, вплоть до восстановления в правах монологического подхода. Это перекликается с перельмановским выводом о первостепенной важности все-таки универсальной аудитории «как обеспечивающей норму объективной аргументации, поскольку другая сторона в диалоге и личность, рассуждающая сама с собой во внутренней речи, никогда не смогут стать чем-то большим, чем расплывчатыми воплощениями этой универсальной аудитории» [7, с. 49]. При этом очевидно, что «перельмановское представление об универсальной аудитории биполярно: с точки зрения говорящего, задача состоит в том, чтобы представить аргументы таким образом, чтобы вы сами думали, что они могут и должны убедить всякое разумное человеческое существо; с точки зрения аудитории, задача в том, чтобы оценить, могут ли (или не могут) представленные аргументы убедить всех здравомыслящих и умных людей» [19, с. 68].

Таким образом, Перельман, как и другая ключевая фигура аргументологии XX в. — С. Тулмин, «выступая под флагом необходимости осуществления аргументационного поворота в логике в своих аргументологических построениях, пусть и имплицитно, но чаще всего ориентировались на внутреннее единство логической науки» [25, с. 212]. С этой позиции нельзя считать архаизмом культ силлогистики и средств традиционной логики, так как под воздействием запросов науки и жизни современная логика, сохраняя свою ориентацию на выявление структур мысли с помощью искусственных языков, уже не может игнорировать аргументативные аспекты математической логики, не может полностью отвлечься от вопросов «демаркации рационального и нерационального, вербального и невербального, т. е. границ, так или иначе преодолеваемых человеком в живой жизни посредством аргументации» [25, с. 212]. Кроме того, раздвигаются сами границы логического, о чем свидетельствует появление целого «букета» неклассических логик (модальной, интуиционистской, паранепротиворечивой, релевантной, многозначной и др.), в которых присутствует внимание к внелогическим факторам, связанным с личностными особенностями субъекта аргументации.

Таким образом, предпринятые попытки построения ТА, несмотря на то что в них можно выделить некие продуктивные инвариантные составляющие, оказались в конечном счете безуспешными в силу

фокусировки на отдельных аспектах аргументативного дискурса (логическом, риторическом, психологическом, когнитивном и др.). Изучая параллельно способы изменения убеждений адресата аргументации, эти подходы являются не противостоящими, а скорее взаимодополняющими. Несмотря на ряд выдвинутых продуктивных идей и техник анализа аргументативного дискурса, они, тем не менее, оказались неспособными решить задачу по органичному соединению столь разных процессов, как обоснование и убеждение, неразрывно присутствующие в аргументации, сама природа которой «противоречит необходимости и очевидности» [7, с. 10] логической дедукции, используемой в формально-логических доказательствах.

Универсальная нормативность, которую пока безуспешно пытаются найти исследователи, тем не менее, существует, она «бытийствует» в *аргументативных практиках*, а ее эффективные принципы «выкристаллизовываются» в ходе успешных полемик и дискурсов, так как «одни и те же приемы аргументации можно встретить на любом уровне, и при обсуждении разных вопросов за семейным столом, и во время дебатов в узкоспециализированной области» [7, с. 19]. И если происходит понимание (и принятие) оправдавших себя на практике, значимых для разных сфер общественной жизни аргументов и «нетехнических доказательств» (Аристотель), то это свидетельствует об их структурной общности, а значит, подпитывает оптимизм ряда специалистов в отношении возможности создания ТА, имеющей «философский масштаб» [7, с. 15], потому что затрагиваются такие важные аспекты, как самовыражение личности с «использованием все более совершенной техники распространения культурных ценностей» [26, с. 3] и преодоление разногласий путем достижения рационального консенсуса.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Канаева Н.А. *Индийская философия древности и средневековья*. Москва, ИФ РАН, 2008, 255 с.
- [2] Крючкова С.Е. *Стратегии аргументации в Древнем мире*. Москва, Юрайт, 2020, 169 с.
- [3] Шохин В.К. Философская дезинтеграция и шанс практической философии. *Вопросы философии*, 2023, № 9, с. 32–44.
- [4] Крючкова С.Е. Аргументация: проблема дефиниции. В кн.: *Актуальные проблемы познания социальной реальности*. Москва, Янус-К, 2011, с. 70–88.
- [5] Алексеев А.П. *Философский текст: идеи, аргументация, образы*. Москва, Прогресс-Традиция, 2006, 328 с.
- [6] Perelman Ch. *The Idea of Justice and the problem of Argument*. London, Routledge & Paul, 1963, 212 p.
- [7] Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л. *Новая риторика: трактат об аргументации*. Санкт-Петербург, Алетея, 2025, 710 с.

- [8] Еемеерен Франс Х. Современное состояние теории аргументации. *Важнейшие концепции теории аргументации*. Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ, 2006, с. 14–34.
- [9] Герасимова И.А. Феномен аргументации. *Эпистемология & философия науки*, 2009, т. XXI, № 3, с. 5–13.
- [10] Крючкова С.Е., Храпов С.А. Логика и теория аргументации: проблемы преподавания. *Вестник Челябинского университета*, 2021, № 8, с. 101–108.
- [11] Еемеерен Ф.Х. ван, Гроотендорст Р. *Систематическая теория аргументации: прагма-диалектический подход*. Москва, Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021, 264 с.
- [12] Труфанова А.С. «Новая риторика» Хаима Перельмана с точки зрения системной модели аргументации. В сб.: Брюшинкин В.Н., ред. *Модели рассуждений — 3: когнитивный подход*. Калининград, Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010, с. 245–254.
- [13] Eemeren F.H. van. *A Systematic Theory of Argumentation: The Pragma-dialectical Approach*. New York, Cambridge University Press, 2004, 224 p.
- [14] Аньес ван Реес М. Интерпретация и реконструкция аргументации. *Важнейшие концепции теории аргументации*. Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ, 2006, с. 198–238.
- [15] Брюшинкин В.Н. Обобщенная системная модель аргументации. *Аргументация и интерпретации*. Калининград, Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006, с. 11–17.
- [16] Крючкова С.Е. Теория аргументации: когнитивный подход. *Вестник Университета (Государственный университет управления)*, 2013, № 13, с. 219–222.
- [17] Брюшинкин В.Н. Когнитивный подход к аргументации. *РАЦИО.ru*, 2009, № 2, с. 2–22.
- [18] Микиртумов И.Б. Аргументация: логика и когнитивные процессы. В сб.: Брюшинкин В.Н., ред. *Модели рассуждений — 3: когнитивный подход*. Калининград, Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010, с. 341–357.
- [19] Розенгрэн М. К вопросу о доха: эпистемология «новой риторики». *Вопросы философии*, 2012, № 6, с. 63–72.
- [20] O’Keefe Daniel J. *Persuasion: Theory and Research*. Newbury Park, London, New Delhi, SAGE Publication, 2002, 408 p.
- [21] Лисанюк Е.Н. Действие, норма и ценность в практической аргументации. *Аргументация в праве и морали*. Санкт-Петербург, Алеф-Пресс, 2018, с. 9–36.
- [22] Аникина М.Е., Хруль В.М. Особенности аргументации в текстах массовой интернет-коммуникации: опыт структурного и содержательного анализа. *Вестник Московского университета, Серия 10. Журналистика*, 2015, № 3, с. 3–21.
- [23] Стрельцова Е.А., Кузина Л.С., Полякова В.В. и др. *Жизнь онлайн: цифровая трансформация российского общества*. Москва, ИСИЭЗ ВШЭ, 2025, с. 132–151.
- [24] Храпов С.А., Баева Л.В. Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной коммуникативно-образовательной среды. *Вопросы философии*, 2021, № 4, с. 17–26.
- [25] Чуешев В.И. Возможен ли аргументационный поворот в современной логике. В сб.: Брюшинкин В.Н., ред. *Модели рассуждений — 3: когнитивный подход*. Калининград, Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010, с. 206–218.
- [26] Чернышева А.В. *Генезис культурологической мысли*. Москва, МГОУ, 2008, 324 с.

Статья поступила в редакцию 27.10.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Крючкова С.Е., Чернышева А.В. Аргументативный дискурс: на пути к теории (к выходу первого полнотекстового перевода на русский язык «Новой риторики»). *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 6. EDN MGOXSA

Крючкова Светлана Евгеньевна — д-р филос. наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве РФ.
e-mail: SEKryuchkova@fa.ru

Чернышева Анна Владимировна — канд. филос. наук, доцент кафедры «Социология и культурология», МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: chernysheva@bmstu.ru

Argumentative Discourse: Towards Theory (for the Release of the First Full-Text Translation of “New Rhetoric” into Russian)

© C.E. Kryuchkova¹, A.V. Chernysheva²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, 125993, Russia

²Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

Theoretical search for a universal model of argumentation was explored. This task is noted to be extending nowadays far beyond the scope of polemical practices and acquiring a new dimension in connection with the growing interest of scholars in the social sciences and humanities in communication within the global digital space. This brings up to date the significance of a philosophical-methodological approach making it possible not only to assess the ontological foundations and heuristic potential of existing approaches, but also to understand the reasons why the problem under consideration remains unresolved. It is shown that each of the proposed theoretical models of argumentative discourse, understood as a form of verbal persuasion within communicative interaction, focuses on one of its constituent elements. One of the fundamental reasons for the lack of desired success was justified to be the very nature of argumentation as communicative rationality, in which such diverse intellectual procedures as substantiation (proof) of a point of view and persuasion aimed at achieving its acceptance by the addressee on any other basis exist in an inseparable unity. The intellectual legacy of the founders of neo-rhetoric Ch. Perelman and L. Olbrechts-Tyteca, whose seminal work “The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation” was published in Russia for the first time in a complete translation in 2025, was analyzed. The relevance of the heuristic potential of this work that exerted a significant influence on both Russian and Western scholars, who pursued different approaches to the construction of a theory of argumentation, was revealed.

Keywords: argumentative discourse, argumentation theory, neo-rhetoric, informal logic, pragma-dialectics, cognitive approach, content-dynamic approach

REFERENCES

- [1] Kanaeva N.A. *Indiyskaya filosofiya drevnosti i srednevekoviya* [Indian Philosophy of Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, IF RAN Publ., 2008, 255 p.
- [2] Kryuchkova S.E. *Strategii argumentatsii v Drevnem mire* [Strategies of argumentation in the Ancient world]. Moscow, Yurait Publ., 2020, 169 p.
- [3] Shokhin V.K. *Filosofskaya dezintegratsiya i shans prakticheskoi filosofii* [Philosophical Disintegration and the Chance of Practical Philosophy]. *Voprosy filosofii*, 2023, no. 9, pp. 32–44.
- [4] Kryuchkova S.E. *Argumentatsiya: problema definitsii* [Argumentation: The problem of definition]. In: *Aktualnye problemy poznaniya sotsialnoy realnosti* [Current Issues in the Cognition of Social Reality]. Moscow, Yanus-K Publ., 2011, pp. 70–88.
- [5] Alekseev A.P. *Filosofskiy tekst: idei, argumentatsiya, obrazy* [Philosophical text: ideas, argumentation, images]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2006, 328 p.
- [6] Perelman Ch. *The Idea of Justice and the Problem of Argument*. London, Routledge & Paul, 1963, 212 p.

- [7] Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. *La nouvelle rhétorique: Traité de l'argumentation*. Paris, Presses Universitaires de France, 1958 [In Russ.: Perelman Kh., Olbrekht-Tyteka L. *Novaya ritorika: traktat ob argumentatsii*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2025, 710 p.].
- [8] Eemeren F.H. van. The state of the art in argumentation theory. In: *Fundamentals of argumentation theory*. Dordrecht, Springer, 1996, pp. 1–28. [In Russ.: Eemeren Frans Kh. *Sovremennoe sostoyanie teorii argumentatsii*. In: *Vazhneishie kontseptsii teorii argumentatsii*. St. Petersburg, Filologicheskii fakultet SPbGU Publ., 2006, pp. 14–34].
- [9] Gerasimova I.A. Fenomen argumentatsii [The phenomenon of argumentation]. *Epistemologiya i filosofiya nauki — Epistemology & Philosophy of Science*, 2009, vol. 21, no. 3, pp. 5–13.
- [10] Kryuchkova S.E., Khrapov S.A. Logika i teoriya argumentatsii: problemy prepodavaniya [Logic and argumentation theory: Problems of Teaching]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2021, no. 8, pp. 101–108.
- [11] Eemeren F.H. van, Grootendorst R. *A Systematic theory of argumentation: the pragma-dialectical approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 224 p. [In Russ.: Eemeren F.Kh. van, Grootendorst R. *Sistematicheskaya teoriya argumentatsii: pragma-dialekticheskiy podkhod*. Moscow, Kanon+ Publ., ROOI “Reabilitatsiya”, 2021, 264 p.].
- [12] Trufanova A.S. “Novaya ritorika” Khaima Perel'mana s tochki zreniya sistemnoi modeli argumentatsii [The new rhetoric by Chaim Perelman from the point of view of system model of argumentation]. In: Bryushinkin V.N., ed. *Modeli rassuzhdeniy – 3: kognitivnyy podkhod* [Models of Reasoning – 3: Cognitive Approach]. Kaliningrad, Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta Publ., 2010, pp. 245–254.
- [13] Eemeren F.H. van. *A Systematic Theory of Argumentation: The Pragma-Dialectical Approach*. New York, Cambridge University Press, 2004, 224 p.
- [14] Rees M. van. Interpretation and reconstruction of argumentation. In: van Eemeren F.H., Grootendorst R., Blair J.A., Willard Ch.A., eds. *Fundamentals of Argumentation Theory*. Mahwah, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 1996, pp. 145–176 [In Russ.: An'es van Rees M. *Interpretatsiya i rekonstruktsiya argumentatsii*. In: *Vazhneishie kontseptsii teorii argumentatsii*. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2006, pp. 198–238].
- [15] Bryushinkin V.N. Obobshchennaya sistemnaya model argumentatsii [Generalized System Model of Argumentation]. In: *Argumentatsiya i interpretatsii* [Argumentation and interpretations]. Kaliningrad, RGU im. I. Kanta Publ., 2006, pp. 11–17].
- [16] Kryuchkova S.E. Teoriya argumentatsii: kognitivnyy podkhod [Argumentation theory: a cognitive approach]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*, 2013, no. 13, pp. 219–222.
- [17] Bryushinkin V.N. *Kognitivnyy podkhod k argumentatsii* [Cognitive approach to argumentation]. *RATIO.ru*, 2009, no. 2, pp. 2–22.
- [18] Mikirtumov I.B. Argumentatsiya: logika i kognitivnye protsessy [Argumentation: logic and cognitive processes]. In: Bryushinkin V.N., Meskov V.S., Dragalina-Chernaya E.G., et al. Bryushinkin V.N., eds. *Modeli rassuzhdeniy – 3: kognitivnyy podkhod* [Models of Reasoning – 3: Cognitive Approach]. Kaliningrad, Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta Publ., 2010, pp. 341–357.
- [19] Rosengren M. K voprosu o doxa: epistemologiya “novoy ritoriki” [On the concept of Doxa: Epistemology of the “new rhetoric”]. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 6, pp. 63–72.

- [20] O’Keefe D.J. *Persuasion: Theory and research*. Newbury Park; London; New Delhi, SAGE Publications, 2002, 408 p.
- [21] Lisanyuk E.N. *Deystvie, norma i tsennost’ v prakticheskoy argumentatsii. Argumentatsiya v prave i morali* [Action, norm, and value in practical argumentation. Argumentation in law and morality]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2018, pp. 9–36.
- [22] Anikina M.E., Khrul’ V.M. Osobennosti argumentatsii v tekstakh massovoy internet-kommunikatsii: opyt strukturnogo i sodержatel’nogo analiza [Features of argumentation in mass Internet communication texts: a structural and content analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika — Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism*, 2015, no. 3, pp. 3–21.
- [23] Streltsova E.A., Kuzina L.S., Polyakova V.V., et al. *Zhizn onlain: tsifrovaya transformatsiya rossiyskogo obshchestva* [Life online: the digital transformation of Russian society]. Moscow, ISIEZ VSHE — Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, HSE University Publ., 2025, pp. 132–151.
- [24] Khrapov S.A., Baeva L.V. *Filosofiya riskov tsifrovizatsii obrazovaniya* [The philosophy of the educational digitalization risks]. *Voprosy filosofii*, 2021, no. 4, pp. 17–26.
- [25] Chueshev V.I. *Vozmozhen li argumentatsionnyy povorot v sovremennoy logike* [Is an argumentative turn possible in contemporary logic?]. In: Bryushinkin V.N., ed. *Modeli rassuzhdeniy – 3: kognitivnyy podkhod* [Models of Reasoning – 3: A Cognitive Approach]. Kaliningrad, Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta Publ., 2010, pp. 206–218.
- [26] Chernysheva A.V. *Genezis kul’turologicheskoy mysli* [Genesis of culturological thought]. Moscow, MGOU – Moscow Region State University Publ., 2008, 324 p.

Kryuchkova S.E., Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation.
e-mail: SEKryuchkova@fa.ru

Chernysheva A.V., Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: chernysheva@bmstu.ru